

Проект
PRCA
представляет

**ЛЮМ:
ТКАЦКИЙ СТАНОК**

Воспоминания Боббина
(Официальное прохождение игры)

LUCASFILM™
GAMES

ВОСПОМИНАНИЯ БОББИНА ПОТЁРТЫЙ ВОРС, ДИТЯ ЛЮМА

Пришло время восстановить историческую достоверность и изложить моё собственное видение событий, приведших к Приходу Третьей Тени.

Эта история, рассказываемая у костров, за столами таверн и даже в наших классных комнатах, обросла за эти годы множеством прибавлений и украшений. Даже я не могу уже узнать в этом отчаянном, дюжем, неизменно храбром герое одинокого юного Боббина Потёртый Ворс.

Даже я? Ведь я-то и был – и *остаюсь* – Боббином Потёртый Ворс.

Начало этой истории было положено задолго до того момента, с которого я начинаю свои воспоминания. Предшествующая её часть уже рассказана гораздо лучше, чем мог бы это сделать я, и я лишь пересказал её в другом месте, изложив в традиционной драматической форме. Здесь же я начну со своего пробуждения на скале тем утром моего семнадцатого дня рождения.

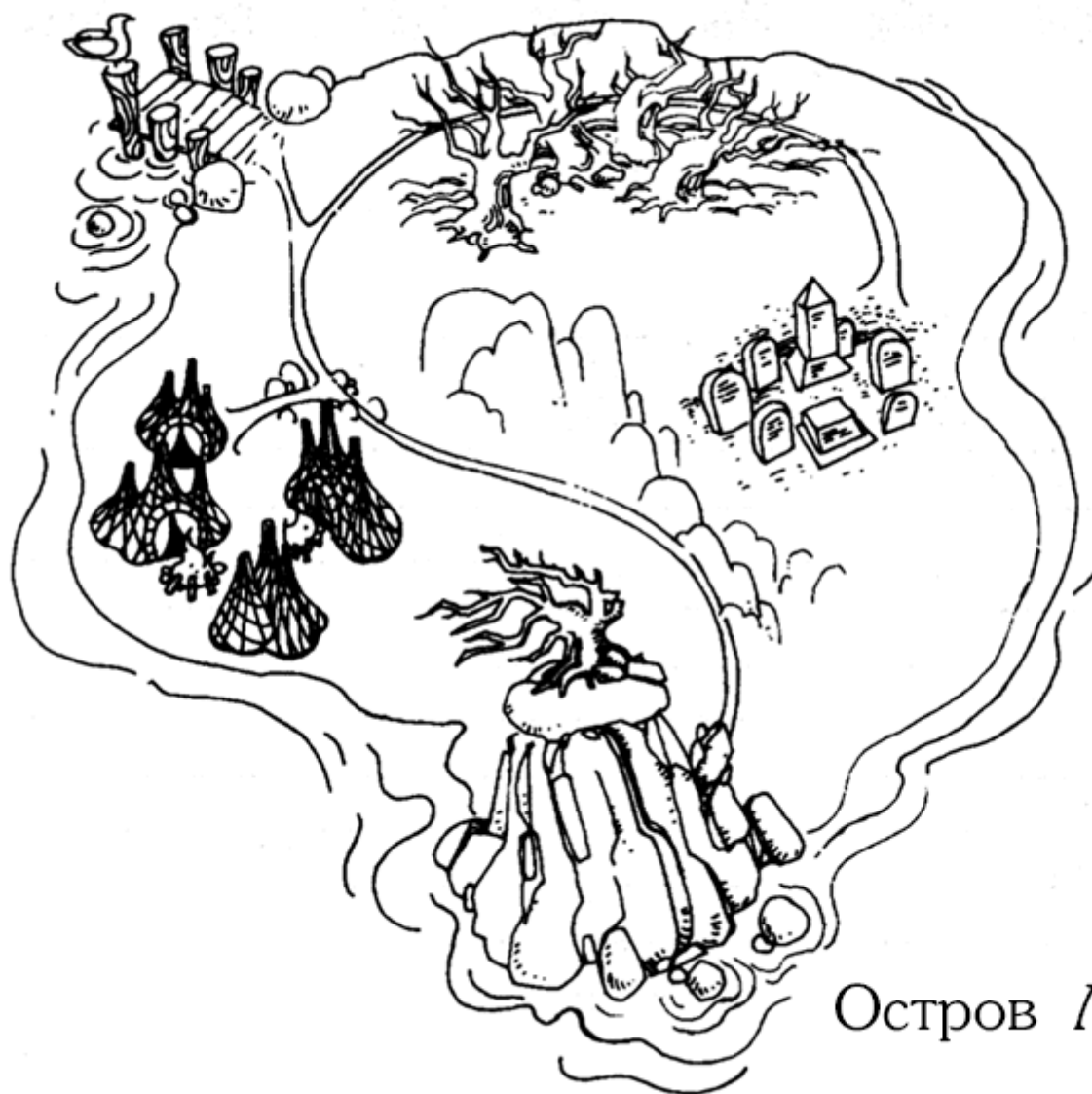

Как ни был я расстроен тем, что прозевал возможность увидеть своего таинственного ежегодного посетителя, гораздо более заботил меня вызов Старейшин. Всё моё детство, как мне казалось, они почти не обращали внимания на само моё существование... и я был благодарен им за это предполагаемое забвение. Пусть я всегда был *не таким как все* и был вынужден держаться отдельно от прочих жителей деревни, – по крайней мере, я был свободен от рутины и указаний Старейшин... или так мне тогда думалось.

Этот нынешний вызов к Старейшинам, на следующий же день после того, как терпеливое наставничество Мыканицы принесло свои плоды... когда я в конце концов почувствовал то, что ощущает каждый оперившийся Ткач, когда нити узора наконец-то (*наконец-то!*) сплетены без ошибки и в тон... когда посох становится продолжением и слугой твоей воли...

Этот вызов вряд ли мог оказаться случайным.

Пока я спускался со скалы и шёл на запад по направлению к деревне, я с беспокойством думал, что это тот звук разбитого стекла обратил на меня и на Мыканицу внимание – и, вероятно, гнев – Старейшин.

Вход в Святилище, в западной части деревни, извне ничем не отличался от всех прочих палаток. Проходя через прихожую и всё ещё робея перед предстоящей аудиенцией у Старейшин, я снова обратил внимание на ту особую магию, которая должна была быть вплетена в это сооружение. В простой палатке не найдётся места даже на одну только прихожую, не говоря уже о Галерее Гобеленов и о Зале, в который она вела и где размещался сам Люм – Ткацкий станок. Я надеялся, что и сам я когда-нибудь смогу повелевать такой волшебной силой.

Я надеялся, что мне дадут время выучиться.

Замедлив шаг у гобеленов, я вспомнил те уроки, которые давала мне Мыканица при наших нечастых, почти что тайных посещениях Святилища. Две Тени... основание Гильдии Ткачей... и приход Третьей Тени. Я знал, что непременно должен был ощутить в последнем оборванном гобелене какой-то образ *разрушения*. Даже Мыканица вздрагивала, глядя на него. Как я ни пытался, мне удавалось почувствовать только нечто фатальное, как будто сам этот разрыв был неотъемлемой частью Ткани реальности.

В конце концов, понимая, что нельзя более откладывать неизбежное, я приблизился к Залу Люма и увидел, что и Мыканица также была вызвана. Старейшины выглядели разгневанными... и... напуганными?

Не желая прерывать Старейшин в такой эмоциональный момент (и более, чем немножко испугавшись при мысли о возможных последствиях для своей собственной персоны), я укрылся за колонной и стал наблюдать.

Когда я наконец-то вошёл в зал, первая моя связная мысль была о Люме. Я никогда ещё не ступал в эту комнату, мне никогда не разрешали приближаться к Станку. Теперь же, подходя к нему, я слышал эхо от узора, только что сплетённого лебедью. Посох Старейшины Атропоса, как я заметил, светился в тон этим нитям.

В нерешительности я поднял посох и снова подошёл к Люму. На этот раз я каким-то образом *ощущал*, при помощи посоха, каждую нить так, как её следовало бы плести. Я узнал нити Узора Преображения; Мыканица записала его в *Книге Узоров*, когда впервые позволила мне прочесть её. Взволнованный, я поднял посох и начал было повторять узор...

...но сразу же обнаружил, что самая первая нить лежала далеко за пределами моих возможностей. Вот, Мыканица постоянно увещевала меня: "Упражняйся! Упражняйся! *Упражняйся!*", – и теперь я понял, зачем.

Мысли о Мыканице естественным образом вернули меня к тому противостоянию, свидетелем которого я только что стал. Мне казалось, что превращение в яйцо было и вправду очень скверной судьбой; при ближайшем рассмотрении оказалось, что само яйцо придерживалось того же мнения. Оно несомненно пыталось вылупиться!

Хоть *эти-то* нити, как я уже успел узнать, были мне вполне по силам. Я снова поднял свой посох – да, я уже стал мысленно называть его *своим*, – и соткал на яйцо Узор Открывания.

Покинуть Остров? От Мыканицы я знал, что за всё то время, которое Гильдия жила на этом Острове, ни один Ткач никогда не покидал его... кроме как через изгнание. Неужели мне предстояло изгнать самого себя из единственного известного мне дома, – каким бы негостеприимным по отношению ко мне он ни был? Невообразимо!

Не получалось у меня и представить себе, каким же образом мог я осуществить подобный подвиг. Мне не хватало мастерства превратиться в лебедя – судьба, которую, в любом случае, мне как-то не особо хотелось избирать, – да и менее возвышенные средства казались не более реальными. Было известно, что чужеземцы приезжали на Остров в лодках, но подобные посещения были чрезвычайно редки, и казалось весьма маловероятным, что какой-либо странник сделает мне одолжение и соизволит остановиться у пристани именно в этот момент только потому, что мне позарез нужен транспорт.

Нет уж, если мне и суждено покинуть Остров, то придётся найти способ проделать это самостоятельно. Я тщательно обдумывал эту проблему, когда выходил из Святилища, возвращаясь в деревню.

Палатка Мыканицы была разбита на восточной стороне деревни, как можно дальше от Святилища – и от Старейшин. Когда я входил в неё, я почти что поверил, что ничего не изменилось, что в то же или в следующее мгновение Мыканица засуетится за моей спиной и усадит меня опять за работу по складыванию и развешиванию окрашенной ткани, – занятие, которым мы зарабатывали себе на жизнь.

Но Мыканица последовала за лебедями, и она хотела, чтобы и я покинул Остров. Не зная, что делать, я подошёл к столу и неловким движением опрокинул стоящую там склянку. Пока её содержимое выливалось на пол, мой посох резонировал в ответ нитям узора.

Я быстро достал *Книгу Узоров* и записал эти нити рядом с рассказом об Узоре Опустошения. Увы, ещё один узор за пределами моих возможностей! Так как я не набрался ещё достаточно опыта, чтобы самому плести его, мне нужно было точно удостовериться, что я записал его правильно. Я коснулся склянки, чтобы снова вызвать мелодию узора, и перепроверил по *Книге*.

И как же мне набраться этого опыта? Даже если и удастся выбраться с Острова, то не думаю, чтобы меня особо радовала перспектива странствовать по миру, открывая по пути каждую встречную дверь и каждую корзинку для вязанья. Людям это могло бы не понравиться. Обяза-

тельно должны быть какие-то другие узоры, доступные моим ограниченным способностям!

Я исследовал котёл Мыканицы и был вознаграждён узором, справиться с которым мог даже я. Окрасить кучу ткани и корзину шерсти было делом нескольких минут. Нахмурившись, взирал я на плоды своего труда.

Я всегда испытывал неприязнь ко всему зелёному, а теперь вот умудрился наполнить всю комнату этим отвратительным цветом. Это не так уж и важно, думал я, но всё-таки хотелось бы как-нибудь научиться обращать этот процесс вспять.

Пожав плечами, я вернулся к центру деревни и с осторожностью вошёл в единственную палатку из всех прочих, представлявшую для меня интерес.

Посреди деревни стояла палатка, которая давно уже вызывала моё любопытство. Мне запрещалось заходить в эту палатку, что было вовсе не удивительно, так как мне запрещалось участвовать практически во всех мероприятиях Гильдии Ткачей. Но эта палатка выделялась тем, что вход туда был воспрещён *всем* детям Гильдии, а также и почти всем взрослым. Я знал, что были такие предметы обихода, которые Гильдия не могла соткать на Острове Люм; визиты торговцев, привозивших подобные товары, почти всегда включали в себя и посещение этой палатки. Наконец-то я могу вывести её тайну...

...и снова неудача! Мыканица говорила мне, что за пределами Острова эти золотые штуковины очень почитались; Старейшины, должно быть, обменивали их на товары, привозимые торговцами. Во тьме, наверное, был сокрыт секрет их производства, но у меня не было представления о том, как проникнуть туда. Разве что –

Я покинул деревню и направился на север к лесу и кладбищу, где была похоронена моя мать.

Всё своё одинокое детство я играл в этом лесу и исследовал его. Я знал, что здесь есть роща, в которой любят гнездиться совы, и мне припомнилось, как Мыканица говорила, что совы обладают исключительно острым ночным зрением. Но могу ли я выучить узор у живого существа?

Как я и надеялся, у каждой совы в роще можно было вывести по нити узора. Но там было только три совы; а трёх нитей для узора недостаточно. В поисках четвертой совы я прошёл на запад, на кладбище.

Ну, хорошо, четвертую сову-то я нашёл, да вот толку от этого было мало. Ленивое создание никак не хотело возвращаться в гнездо. Как же мне убедить сову проснуться и вернуться домой – не ударять же её посохом (что явно не соответствовало *назначению* последнего)?

В растерянности я бродил по кладбищу, пока случайно не наткнулся на куст колючек. Кролик, испуганный моей не очень-то грациозной поступью, добился того, что не удалось мне; сова проснулась и унесла свою несчастную жертву к себе в рощу.

Я остановился, чтобы лишний раз прочесть эпитафию на надгробном камне моей матери. И, впервые за всё время, слова стали обретать смысл! Смогу ли я... Открыть само небо?

А в самом деле, отчего бы не попробовать? Вряд ли моё положение может ухудшиться ещё больше (ну, так мне тогда думалось), а выражение "за море" определённо намекало на то, что, вероятно, это и есть тот самый долгожданный способ выбраться с Острова. Я тут же поднял свой посох и Открыл небо над кладбищем.

Точнее, не смог его Открыть.

Вероятно, если бы я получил более солидное образование, то никогда бы не подумал, что скала окажется *настолько* ближе к небу. А может, это и не имело никакого значения; я и так знал, что на Острове было только одно дерево, похожее на то, скрученное бурей, которое было выгравировано на могильном камне. Я вернулся на вершину скалы, – неужели только сегодня утром я там проснулся? – сделав по пути остановку, чтобы выучить от сов последнюю нить будущего Узора Ночного Зрения.

Мне иногда кажется, что если бы я повнимательней относился к половине всех предупреждений, содержащихся во встреченных мною в этом путешествии указаниях и подсказках, я так до сих пор и бродил бы по Острову, отыскивая более безопасный способ убраться оттуда. Да, в эпитафии говорилось о молнии и что-то о сломанном дереве, но я же и понятия не имел!

Я едва успел вовремя укрыться.

По крайней мере, начало казаться, что у меня появилась возможность выбраться с Острова, если только я осмелюсь воспользоваться ею. Но я ещё не закончил все свои дела в палатке Казначей Гильдии. И ещё мне хотелось кое-что попробовать...

Я обнаружил, что, сплетя на темноту Ночное Зрение, могу видеть внутри палатки так же ясно, как если бы зажёл лампу. Похоже, что, как и Мыканица, Казначей Гильдии предпочитал ткать узоры с помощью древних приспособлений; разумеется, прядильное колесо ясно отзывалось Узором Соломы в Золото. Упражнения ради я соткал нити на куче соломы и был вознаграждён ещё большей кучей этих золотых побрякушек... а также гораздо более ценным для меня увеличением моих ткацких способностей!

Я вернулся в палатку Мыканицы к тому противному зелёному полотну.

Как я ни пытался, я не мог окончательно выбросить из головы вопрос об обращении назад действия волшебных узоров. Эта проблемка донимала меня всё то время, пока я слонялся по Острову, взрывая деревья и занимаясь всякой тому подобной всячиной. И теперь мне казалось, что ответ найден.

В порядке эксперимента я сплёл на корзине с шерстью нити Узора Окрашивания в *обратном* направлении. И всё получилось! Весь зелёный цвет в шерсти был начисто распушен! Я назвал свой новый узор "Отбеливание Зелёного" и с деловым видом прошёлся по палатке, отбеливая со всей ткани каждую зелёную крапинку.

По дороге на запад к пристани я остановился в Палатке Казначей и превратил золото обратно в солому. Чрезвычайно довольный собой, я собрался было обратиться назад Ночное Зрение, когда обнаружил, что, во-первых, нет никакого "света, ранее бывшего тьмой", на который этот узор можно было бы сплести, и, во-вторых, Узор Ночного Зрения читался одинаково и взад, и вперёд.

Очевидно, некоторые узоры просто невозможно было соткать в обратную сторону.

Пристань – вот ещё одно место, где я любил прятаться. Члены Гильдии избегали его, для них оно символизировало навязчивое вторжение из внешнего мира. Насколько мне было известно, я единственный из всех жителей Острова умел плавать; я научился этому сам, и хотя, вероятно, движения мои были ужасны, я мог проплыть малость туда-сюда в водах возле пристани.

У меня даже проскальзывала была идея того, чтобы добраться до материка вплавь, но я отбросил её, осознав, какими опасными могут быть воды, расположенные между Островом и материком.

Решительно отгоняя от себя мысль о том, что кусок сломанного дерева вряд ли может служить хорошей защитой от тех же морских опасностей, я прыгнул в воду и уселся верхом на бревно.

Надо ли говорить, что я понятия не имел о том, *что такое* этот водяной смерч и насколько он может быть сильным, покуда не попытался проплыть мимо него, в направлении той манящей вдали полоски земли. К счастью, я крепко держался за свой посох во время этого непредвиденного побочного путешествия.

Я снова взобрался на своё бревно и вернулся по течению к смерчу, рассматривая его на этот раз более внимательно. Его узор принадлежал к числу тех, чьи нити могли быть сотканы в обратном порядке, и спустя несколько минут я мог продолжить свой путь к побережью материка.

(Иногда я задумываюсь, а не был ли этот водяной смерч побочным эффектом моего Открывания неба? Коли так, то это был не единственный случай за моё путешествие, когда я выпутывался из одного затруднения, только чтобы в результате этого столкнуться лицом к лицу с чем-то, ещё похуже прежнего...)

Когда я прибыл на песчаный берег, то в очередной раз обнаружил, что диапазон доступных мне нитей увеличился. Скоро, думалось мне, я стану Ткачом-Мастером.

Теперь я стоял перед выбором: к востоку лежал сверкающий город, а к северу – лес. Для меня, привыкшего на Острове к скитанию по лесам, избегавшего людей и избегаемого ими, принять решение было не трудно – я направился в лес.

Не успел я углубиться в лес и на несколько шагов, как столкнулся со стражами. Не будь они так упорны в том, чтобы *не дать* мне войти в их драгоценное царство, я бы не стал обращать на это внимание. Но они бросили мне вызов, а я твёрдо был намерен стать Ткачом-Мастером, и теперь мне нужно было найти способ поразить их, чтобы они пустили меня в свои ничтожные владения.

Придётся мне, в конце концов, посетить тот город.

По крайней мере, я выучился у Пастухов Узору Невидимости. Если быть осторожным, может быть, мне совсем и не нужно будет разговаривать с незнакомыми людьми.

Итак, чтобы не сложилось впечатление, будто я отступаю, я пошёл по другой тропинке и с видом, как можно более преисполненным достоинства, направился к стеклянному городу.

Не найдя ничего лучшего, я вошёл в квадратное здание у подножия скалы. В этих стеклянных стенах и углах можно было запросто заблудиться. Я нащупал лестничный пролёт и, миновав его, оказался лицом к лицу с выходом. Похоже, благоразумнее было тщательно исследовать каждое здание этого города по очереди; соответственно, я повернулся спиной к выходу и осторожно взобрался на следующий ведущий вверх пролёт лестницы. Оказалось, что я снова сделал круг и попал на выступ, откуда можно было войти в хрустальную палату.

Исследуя эту палату, я обнаружил там колокольчик. Естественно, я позвонил в него –

– и очутился в палате на другой стороне здания!

Прежде, чем я успел придти в себя, ко мне с приветствием обратился один из жителей этого странного места...

Как оказалось, не так уж это и страшно – беседовать с незнакомцами. По крайней мере, с этим. Я начинал понимать, что кем бы ни был Боббин Потёртый Ворс у себя на Острове, здесь, на материке, никому не было известно, – или никого не волновало, – что он был изгоем. Что бы так ни отличало меня от остальных членов моей Гильдии, оно было просто незаметно в сравнении с куда большим отличием моей Гильдии от всех прочих.

Для этих людей с материка я был представителем Гильдии Ткачей. В этом была какая-то ирония.

И, как мне предстояло выяснить в ходе моего путешествия, в этом заключалась также и немалая опасность...

Мастер Доброформ позволил мне осмотреть свой город. Я надеялся лишь найти в этих хрустальных стенах какой-нибудь узор, который позволил бы мне показать пару фокусов тем пастухам...

Может быть, думал я, если я наберусь больше опыта, то диапазон моих способностей достигнет уровня, при котором я смогу превратить их всех в лебедей. И, если мыслить научно, то потир на пьедестале представлял собой отличную возможность испытать тот узор, который мне не удалось испытать на Острове.

Я сплёл на потире Узор Опустошения в обратном порядке и, пока я любовался плодами своего труда, Мастер Доброформ появился снова и прочёл, как мне показалось, не очень-то относящуюся к цели моего путешествия лекцию по истории этого самого потира и всего этого города.

Позже, конечно же, я порадовался, что обучение у Мыканицы оправдало себя; я прилежно слушал, задавал вопросы и запоминал.

(Хорошо, допустим, это всего лишь мелочь, имеющая значение только для давно исчезнувшей Гильдии... но кем бы я ни был ранее, кем бы ни являлся сейчас и кем бы ни стал впоследствии, я – Ткач.)

(А Ткачей всегда первым делом интересуется: "И как же всё это вписывается в Ткань реальности?")

Освободившись наконец от опеки Мастера Доброформа, я улучил минутку, чтобы Опустошить потир (вот уж "непочтительность" так "непочтительность"!), затем последовал за Мастером и, так же, как и он, вышел из здания.

Хотя эпитафии на кладбище и вплетали ещё несколько нитей в Ткань реальности Стеклоделов, я всё ещё не обнаружил ничего, способного поразить пастухов. Я покинул здание с куполом через задний ход, полюбовавшись по дороге ещё парочкой надгробий, и решил посетить башню, которая стояла в городе со стороны побережья.

Я понимал, что у меня нет никакого представления обо всём, что касается занятий жителей материка; и всё же мне казалось, что интересы Епископа Мандибула не были, судя по всему, столь же благородными, как интересы Гильдии Стеклоделов. Мне понравились жители этого города, и я ощущал нехорошее предчувствие при мысли об их связи с этим Клириком.

Я говорил себе, что это не моя забота... что я здесь лишь для того, чтобы найти способ продолжать свои собственные поиски... что абсурдно предполагать, будто я лучше Мастера Тигеля разбираюсь в его собственном деле...

И, уговаривая себя подобным образом, я забрался вверх по ступенькам и прошёл к палате, из которой, как я думал, можно будет попасть к платформе и к этому самому Волшебному Шару. Я позвонил в колокольчик.

В моём характере стала появляться черта упрямства, которая ужаснула бы Мыканицу. В течение нескольких дней я отбросил привычку семнадцатилетнего беспрекословного повиновения тем, кто был старше и, как предполагалось, лучше меня. Как бы добры они ни были, эти работники мешали мне проделать то, что мне хотелось. Мне нужно было найти способ пробраться мимо них.

Вспомнив, что перед тем как войти, я видел что-то вроде бурной деятельности на верху башни, я вернулся на улицу и подтвердил свою догадку; эти работники, должно быть, были теми же самыми, кто перед этим воспрепятствовал моим исследованиям. Они были далеко, но я подумал, что если я могу их *видеть*, то, наверное, смогу и соткать на них узор. Соответственно, я сплёл на них Узор Невидимости и вернулся в комнату башни.

У Невидимости в самом деле имеются свои преимущества; я вздохнул с облегчением, услышав, что город не был полностью неподготовленным к вероломству. По какой-то причине мне было не по себе от присутствия этой косы и, записав только Узор Заточки, я решил более не касаться дел материка.

Когда я звонил в колокольчик на другой стороне комнаты, я понадеялся, что и дела материка – в частности, дела Епископа Мандибула – воздержатся от того, чтобы касаться *меня*.

Неожиданно Волшебный Шар предоставил решение к проблеме со стражами. Хотя и трудно было вообразить, каким образом сплетение нескольких нитей сможет заставить четырёх взрослых мужчин разбежаться в ужасе от такого безобидного Ткача, как я, – но я был уверен, что с помощью Узора Ужаса смогу воплотить в реальность эту сцену из Шара.

Любопытствуя, я заглянул в Шар ещё раз, надеясь выяснить местопребывание улетевших лебедей. Языки пламени, скачущие по – что это там, пещера? – ничего мне не говорили. Я мог лишь надеяться, что Шар показывал картину из будущего кого-нибудь другого – или, если это в самом деле относилось ко мне, что опыт окажется не очень болезненным.

Шар показал мне ещё одну картину, прежде чем начать повторяться. Это видение лебеди и повторяемый ею Узор Преображения скорее запутывали, чем помогали; что это было, предостережение? приглашение? Время, решил я, покажет.

Я выбросил из головы вопрос о лебеди и пробрался назад, через сверкающий город, на скалу и в лес. На этот раз, думалось мне, эти стражи никуда не денутся – поразятся.

Узор Ужаса, когда я соткал его на пастухов-стражников, оказался куда более действенным, чем я мог предположить... на мгновение я почувствовал, что это не просто *призрак* предмета их страха – я непосредственно обладал его силой и волей. Я мог сеять здесь разрушение!

По мере того, как действие узора ослабевало, убывало и моё возбуждение. Я начал понимать, лучше, чем мне того хотелось, что должны были чувствовать дети Острова, когда они решали поиздеваться над этим отщепенцем, Боббином Потёртый Ворс.

Идя по тропинке на запад, я раздумывал, испытывали ли *они* когда-нибудь то же самое чувство, которое ощущал теперь я.

Когда я только подошёл к храпящему пастуху, то решил было, что придётся, вероятно, ещё раз продемонстрировать "волшебство", чтобы пройти дальше.

После того, как я пару раз подряд рассмотрел (и таким образом побеспокоил) его овец, мне стало ясно, что потребуется изобрести по-настоящему могучее волшебство, чтобы хотя бы завладеть его нераздельным вниманием.

Я записал нити Узора Сна, мгновение поудивлявшись тому, почему звучит именно он, когда овцы перепрыгивают через изгородь. Затем я проследовал дальше на запад.

Пока я медленно брёл по просторному зеленеющему лугу, я напомнил себе, что меня не заботит образ жизни жителей материка. Даже у сонного пастуха, говорил я себе, должна быть какая-то отличная причина для того, чтобы пасти овец в тени леса, а не посреди этого поля с сочной зелёной травой.

Я вошёл в самую большую хижину на западной окраине пастбища, надеясь найти кого-нибудь, кто помог бы мне в моих поисках. Дома никого не было, кроме маленького ягнёнка в яслях. Когда я рассматривал его, у меня появилось неприятное чувство, будто за мной кто-то наблюдает...

Теперь я понял, почему овец не выводят на открытый луг, вспомнил свой недавний проход по этому самому лугу без особых приключений и ужаснулся, осознав, что в любую минуту этого путешествия на меня мог напасть свирепый дракон, унести, изжарить и потребить на досуге.

Я решил не выходить на улицу, покуда не прибудет *настоящий* волшебник, чтобы разобраться с этой напастью.

Потом мне пришло в голову, что этого самого волшебника может рассердить моё самозванство в качестве члена его Гильдии, пусть оно и было ненамеренным; по-прежнему ли Волшебники превращают людей в лягушек? И, конечно же, не стоило забывать и про напуганных стражников; они, что тут говорить, вряд ли легко простили бы мне мой обман.

Я столкнулся, с одной стороны, с неприятной возможностью самому вскоре оказаться драконьим обедом... с другой стороны меня ожидала перспектива быть превращённым в маленькое зелёное перепончатоное, со всех этих ног удирающее от четырёх разгневанных мужчин с большими палками.

А я *ненавижу* зелёный цвет!

Я решил, что у меня, возможно, найдётся план. Пытаясь выиграть время, я снова посмотрел на маленького ягнёнка в яслях.

Записав нити Узора Исцеления – Хлоевой "Целительной Песни" – в свою *Книгу Узоров*, я перевернул страницу и перечитал историю Узора Невидимости. "При сомнительных обстоятельствах", значит?

Я возвратился на луг, где утвердился в мысли, что отара на самом деле являлась наиболее очевидным украшением пейзажа.

Жестом, который, как мне казалось, был вполне уместным волшебникоподобным важничаньем, я поднял свой посох и сплёл на овец Узор Окрашивания.

Отчаянно цепляясь за свой посох, свисая вверх ногами из когтей дракона в определённо маловеличественной позе, я в который раз поклялся не влезать более в дела жителей материка.

Можно было ожидать, что такое могло приключиться только со мной – очутиться в итоге в логове говорящего дракона. По крайней мере, казалось, что немедленное съедение мне пока что не угрожало.

Пещера выглядела очень знакомой; я припомнил сцену из Шара и определил, что выход должен находиться аккуратно за драконьими сокровищами. Я присмотрелся к этому золоту повнимательнее...

Итак, где-то в этой горе находится ещё один Волшебный Шар. Разумеется, с момента своего появления я не приблизился к нему ни на шаг. Я прошёлся по пещере, пытаюсь обнаружить другой выход. Расстроившись безуспешными поисками, я вернулся на середину пещеры и уставился на своего пленителя.

Так вот, значит, где я оказался, – пленённый в пещере словоохотливой драконихой, которая на самом деле боялась огня. Я попытался представить, может ли быть что-нибудь хуже этого моего нынешнего положения, и снова мне в голову пришла мысль о сцене в Шаре.

Первым делом следовало, очевидно, найти что-либо более-менее воспламеняемое. Превращая накопленное золото в солому, я приготовился к реакции дракона, которая вряд ли могла оказаться одобрительной...

Уф, хоть с *этим-то* проблем не возникло... Я воспользовался преимуществами новой ноты, добавившейся к моему диапазону, и сплёл на дракона узор сна. Теперь, думал я, у меня будет достаточно времени, чтобы найти какой-нибудь способ поджечь солому... Я и понятия не имел, что драконы так громко храпят...

И вот вам в результате вся подлинная история, из первых рук: храбрый Бобин Потёртый Ворс сам-один, безо всякого оружия победил кровожадную дракониху и сбежал из её логова благодаря тому обстоятельству, что драконы во сне храпят – и при этом сыпят искрами.

Окончательный вид пещеры в точности совпадал с тем, который я видел в Шаре в Хрустальном городе; покидая логово, я раздумывал, повезёт ли мне найти драконий Шар, и что смогу я увидеть в его глубинах.

Пещеры внутри горы, хотя и напоминали некоторым образом лабиринт, но пройти их оказалось довольно просто, как только я догадался сплести на тьму Ночное Зрение. После парочки фальстартов и некоторого карабканья назад я в конце концов свалился по крутому склону на плато, наполовину погружённое в воду. Рассмотрев эту лужу и записав в свою *Книгу Узоров* нити Узора Отражения, я направил свой путь вверх от плато, к выходу из пещер.

Хотя я тщательно осматривал по пути все пещеры, я так и не нашёл этот другой Шар. У меня до сих пор такое чувство, что в какой-то момент он был всего лишь в нескольких локтях от меня.

Хотел бы я знать, какие видения в нём скрывались.

Сначала я думал, что смогу просто перепрыгнуть ущелье от подножия спиральной лестницы. Однако, взглянув на обрыв и поразмыслив над тем, сколько бы мне пришлось падать в случае, если прыжок окажется неудачным, я вернулся на самый верх лестницы, чтобы поискать менее опасный способ перебраться на ту сторону.

Я был готов к довольно долгим поискам, но решение пришло почти мгновенно. Я соткал на ступеньки Узор Скручивания в обратном порядке и, старательно придерживаясь середины раскрученной лестницы, спустился к подножию горы.

Мне подумалось, что спящий мальчик вполне мог оказаться стражником какой-нибудь там местной Гильдии, так что я прошёл мимо него на цыпочках и приблизился к городу, расположенному к востоку от этого места.

Сколько времени люди в те дни впустую тратили на то, чтобы не пускать меня в разные места. Я дождался, покуда стражник скроется из виду, сплёл на ворота нити Узора Открывания и вошёл, только для того, чтобы меня снова с позором выставили назад на подъёмный мост.

Переосмыслив доступные мне варианты действий, я вернулся к кладбищу и спящему мальчику.

Должно быть, я всё ещё никак не мог привыкнуть к тому, чтобы мыслить утончённо, как то подобает Ткачу. Моей первой идеей было стащить его одежду, чтобы, таким образом замаскировавшись, прошмыгнуть в город. Глядя на него, я в отчаянии думал, что мне это вряд ли удастся, если я не смогу присвоить также и его облик... вот тогда только я и вспомнил об Узоре Отражения. Я поднял свой посох и сплёл нужные нити...

К счастью, Ржавик был не столь враждебно настроен по отношению к странникам, как его старшие товарищи. Мне хотелось бы побольше побеседовать с ним; он был единственным известным мне моим сверстником, который относился ко мне дружелюбно, а не с презрением.

Однако, быстрее, чем мне того бы хотелось, Ржавик вернулся к своему излюбленному времяпрепровождению – сну, а я к своему – к попаданию в неприятности. Я сплёл нити Узора Отражения на Ржавика, на этот раз потише, и уверенно зашагал назад к подъёмному мосту.

У меня начало складываться впечатление, что Ржавик не был самым уважаемым членом своего сообщества. Понадеявшись, что мне не придётся встречаться с этим типом Растопщиком, я вошёл в Кузницу.

Какое невероятно *шумное* место эта Кузница! Неудивительно, что Ржавик предпочитал отсыпаться на кладбище!

Никто из кузнецов не обращал на меня никакого внимания; мне было сомнительно, что, даже если бы они меня заметили, кто-либо мог бы расслышать меня сквозь этот непрерывный стук по десяти тысячам наковален.

Я прошёлся по большому залу, надеясь найти где-нибудь в этом невероятном лязгающем городе тихий уголок, где можно было бы отдохнуть и пораскинуть мыслями...

Если бы у меня не кружилась голова от этого шума, я мог бы вовремя спохватиться и понять, что этот мужчина у печи и *был* тот самый страшный Растопщик.

За морем, в грозу и в водяном смерче – даже в воздухе – мне удавалось не выпускать из рук этот посох. И вот, в минуту смущения и растерянности, я позволил этому человеку забрать его у меня. Если только Мыканица не придёт ко мне на помощь, как она обещала, то мой посох будет вскоре предан огню, а мне останется обречённо ожидать прихода Третьей Тени в этой мрачной келье.

Будучи, естественно, расстроенным таким поворотом событий, я несколько раз в знак протеста потарабанил в дверь камеры, а затем лёг на кровать из соломы и быстро заснул.

После того, как я проснулся и обнаружил, что снова стал самим собой, я подобрался к решётчатому окну в двери кельи как раз вовремя, чтобы увидеть, как Растопщик кидает мою "палку" в пламя. Беспомощно наблюдал я, как, всё ещё вибрируя силой, посох начал тлеть.

Отвернувшись от этой картины, я раздумывал – неужели Мыканица забыла обо мне...

Я едва поверил своим глазам, когда увидел посох. Быстро подобрав его, я сплёл на дверь Узор Открывания и выскочил наружу... но Мыканицы уже не было.

Понимая, что в теперешнем своём внешнем виде я не мог надеяться на то, чтобы пробраться через большой зал, я спустился вниз по ступенькам во внутреннее помещение Кузницы.

Хотя достопримечательностью этой комнаты являлся всего один кузнец у одной наковальни, она казалась ничуть не менее шумной, чем тот самый большой зал. Когда вошли эти двое, – а тот, который в митре, был не кто иной, как Епископ Мандибул, – я напрягся, чтобы разобрать их разговор.

Вскоре я понял, что как только этот самый меч будет закончен, в этой комнате засуетится куча народа, собирая мечи, стоящие вдоль стен. У меня не будет возможности и далее прятаться здесь.

Решение, которое я принял после этого, не имело никакого отношения к противостоянию планам Мандибула – я напомнил себе, что решительно отрёкся от всякой заинтересованности в делах жителей материка. Да пусть они, как по мне, хоть на кусочки друг друга порубят этими мечами, – я никому из них ничем не обязан. Ну, кроме разве что Мастера Доброформа, который так приветливо встретил меня в своём городе. И Хлои, которая обучила меня Узору Исцеления. И Ржавика, который мог бы запросто стать моим другом...

Нет, мне нужно было просто выиграть время, чтобы спланировать побег. В следующий раз, когда эти двое прервали кузнеца, я соткал задом наперёд Узор Заточки и затупил поднятый меч.

Хотя, конечно, мне было далеко до бывалых путешественников, тем не менее, мне подумалось, что, после того бороздящего море бревна, когтей дракона и – самый недавний случай – епископского крылатого чу-

диша, немного оставалось транспортных средств, мною ещё не испытанных.

Впрочем, в настоящий момент возможность продолжения моего путешествия казалась весьма маловероятной.

Мандибулу, очевидно, было известно о Гильдии Ткачей достаточно, чтобы знать о моей способности Открыть клетку. Зачем же он тогда ломал всю эту комедию с пленением и нравоучениями?

Я не мог придумать никакого другого выхода из создавшегося патового положения, хотя Мандибул, казалось, готов был стоять и ждать, пока мы все втроём не обрастём паутиной и комьями пыли (хотя у меня лично не было сомнений, что подобного рода украшение могло пойти только на пользу внешнему виду Кома).

Я соткал на клетку нити Узора Открывания.

Я не очень надеялся на то, что Мандибул внял моим предостережениям. В беспокойстве я бродил взад и вперёд по комнате, разглядывая чудище, потом Кома, потом опять чудище.

В конце концов мне пришло в голову, что Шар Епископа может пролить свет на последствия этих не к добру затеянных действий Мандибула. Естественно, стоило мне подойти к Шару, как вмешался Ком...

Конечно же, я слышал эти легенды от Мыканицы, а потом от Мастера Доброформа. И всё же я никогда в них по-настоящему не верил, и причиной моего предупреждения Кому была чисто нервная бравада. Может быть, он это почувствовал... может быть, он просто не верил... или его это не волновало...

Я попытался вызвать в себе хоть какое-то чувство жалости к Кому, но не смог. Он был неприятной личностью, которую постиг особо неприятный конец, и, признаться, моей единственной мыслью в тот момент было – как бы мне побудить Мандибула совершить ту же ошибку.

Я поспешил на балкон и подошёл к нему.

Я поднял свой посох, с облегчением заметив, что он не потерпел никакого вреда от недавнего злоупотребления, и вернулся в тюрьму. С нетерпением я взгляделся в Шар.

Снова лебедь! После того, как Хаос ворвался в мир, я ожидал, что её сообщение изменится, но она только соткала те же четыре нити Преображения. Я посмотрел снова...

Следующие две картины вызвали во мне ещё большее недоумение. Вид этих совершенно обыденных предметов показался мне дурным предзнаменованием.

Полагаю, мне следовало бы догадаться, что Узор Открывания Мандибула окажет воздействие не только на кладбища; отвернувшись от Шара, я впервые заметил, что клетка чудища пуста. У меня была одно время смутная идея приручить его и таким образом сбежать из башни; теперь же я мог только надеяться, что оно улетело в поисках более мясистой добычи, чем я. Я мог найти и другой способ выбраться отсюда.

С осторожностью я прокрался назад на балкон.

Воображаю, что и без помощи чудища я решился бы в итоге на то, чтобы самому войти в дыру.

С другой стороны, я мог бы со всех сторон обдумывать это решение до тех пор, пока не стало бы слишком поздно.

В любом случае, я не ощущал никакой особой благодарности по отношению к этому хищному созданию.

Поскольку дыра оскорбляла моё чувство порядка (и поскольку я не был уверен, что чудище просто не последует за мной), я сплёл на неё Узор Открывания в обратном направлении. К моему большому облегчению, дыра послушно затянулась.

Я перенёс своё внимание на следующую дыру; подавив своё первоначальное желание просто закрыть её и забыть о ней, я пробрался внутрь...

Ржавик! Потрясённый, я прошёл вперёд, чтобы взглянуть на останки моего друга...

Исполненный необъяснимого чувства раскаяния (как мог я предвидеть, что Ржавика ожидает такая судьба? как мог он подумать, что я допустил бы такое?), я в отчаянии перелистывал свою *Книгу Узоров*. Да, там был записан Узор Исцеления: ничто в описании не подсказывало, что он будет действенным в этом случае, – опять-таки, ничто не говорило и об обратном.

Я соткал нити Исцеления на труп Ржавика.

Вернувшись в пустоту, я осознал, что мне не хочется навсегда запирать дверь, отделяющую меня от моего первого и единственного друга. Я подумал, что когда найду свою Гильдию, то смогу вернуться и присоединиться к Ржавику в его поисках.

Я продвинулся к следующей дыре, через которую можно было видеть деревья в лесах Гильдии Пастухов.

И здесь поработали Хаос и его прислужники. Ужасаясь, я разглядывал тела, разбросанные по лугу.

Радуюсь возможности восстановить разрушение, за которое я чувствовал себя ответственным, я снова поднял свой посох и сплёл на пастухов Узор Исцеления.

Я продолжил свой путь к следующему разрыву, войдя в то, что осталось от стеклянных стен Хрустального города.

Только я приготовился соткать нити Исцеления над Мастером Доброформом, как он остановил меня...

Расстроенный тем, что я считал своей неспособностью спасти Мастера Доброформа, и горько сожалея о том дне, в который я начал своё ужасное путешествие, я решил на этот раз Исцелить разрыв в ткани Вселенной, закрывая вид на вдребезги разбитый Хрустальный Город.

Я не забуду о них.

Путешествуя дальше в пустоту, я одно время думал, что ничего больше не найду здесь... что мне надо будет вернуться к Кузнице и присоединиться к поискам Ржавика. Только я собрался было повернуть назад, как увидел перед собой нечто, напоминающее невероятное хрустальное озеро.

Я направился к нему.

Эта была та самая лебедь, которую я видел в Шарах; а остальные, должно быть, являлись недавно улетевшими членами Гильдии Ткачей. С любопытством я присмотрелся к лебеди.

Исполненный сожаления, вернулся я назад и закрыл дыры, ведущие в царство пастухов и к дому Ржавика. Я бы и не подумал совершать такое необратимое действие, если бы не верил в глубине души, что лебедь на самом деле была моей матерью и что Мыканица находилась в большой опасности.

После того, как я исцелил последнюю дыру, мой диапазон снова увеличился. Я надеялся, что этого повышения моих сил будет достаточно.

Я надеялся, что ещё не было слишком поздно.

Я продолжил путь за озеро, обнаружил последнюю прореху в Ткани реальности и, пройдя сквозь неё, вернулся на опустошённый Остров Люм. С нетерпением высматривая Мыканицу и страшась приближения Хаоса, я поспешил в Святилище.

Здесь всё было по-прежнему. Мыканица ещё не возвращалась, а может быть, она уже была здесь и ушла снова... Я повернулся, чтобы выйти на улицу и обыскать Остров более тщательно...

Бедная Мыканица... Я так хорошо и так давно знал её, что даже гадкий утёнок не мог скрыть от меня столь характерного для неё расстройства от того, что Хаос так легко ей помешал. Пока она пыталась заговорить, я обратился к Люму, пробуждая эхо от Узора Молчания, сотканного Хаосом.

Я сплёл над Мыканицей нити Узора Молчания в обратном порядке...

Следующий узор Хаоса был, должно быть, Приданием Формы... Когда я повторял процесс обращения узора, всё ещё отзывавшегося в Люме, я ощущал в себе только ужас... Теперь я понимал значение второй картины в Шаре Епископа.

Я мог только молиться, чтобы у нас с Мыканицей получилось действовать достаточно быстро... Я не видел другого способа избежать того, что символизировала третья – и последняя – картина в Шаре.

Мыканица, должно быть, знала с самого начала, что дело дойдёт до этого. Она определённо заранее понимала, насколько серьёзен её выбор, когда говорила мне закрыть глаза.

Надеясь вопреки надежде, что Узор Исцеления восстановит её, я приготовился сплести нити над тем единственным, что осталось от Мыканицы, – одиноким пёрышком.

Я едва смог сдержать бессильную ярость из-за бессмысленной жестокости Хаоса.

Я говорил себе, что Мыканица не хотела бы, чтобы её последняя жертва оказалась напрасной, – и я знал, что она в самом деле согласилась бы с этим.

Но я не верю, что лишь это благородное чувство послужило мотивом моего следующего поступка; мне хотелось отомстить за Мыканицу... и за Мастера Доброформа. Мне хотелось нанести удар тому, кто был виновником моей разлуки с моим другом (другом!) Ржавиком.

Я выучил у Станка Узор Раздиранья и соткал эти ужасные нити на сам Станок...

Я лишился своего дома, – распрощался с первыми в своей жизни друзьями, – видел, как вырастившая меня женщина отдала свою жизнь ради Вселенной, – я, по сути дела, разломал Вселенную пополам.

Я покинул этот зал – и этот Остров, и свою прежнюю жизнь, – и присоединился к стае на нашей стороне Ткани реальности.

На противоположной стороне Хаос последовал моему примеру.

Я замедлил в нерешительности, раздумывая, нет ли у меня иного выбора... и осознал, в конце концов, что и *не* хочу иного выбора. В последний раз я поднял свой посох...

...и соткал нити Узора Преображения на самого себя.

О том же, что произошло после этого в новосозданном Царстве Мёртвых, я не могу поведать ничего, ибо эта часть Ткани реальности вплетена в судьбы тех, кого я оставил позади себя.

Мой рассказ – моя роль в Ткани реальности – на этом заканчивается.

Перевод на русский язык: Юрий Мелков
Оформление: Фёдор Деревянский